

Р.Р. Баркибаева¹ , Т.В. Павлова² ,
К.С. Кунапияева³ , Н.Ш. Танкиева⁴ ,

^{1,2,3}Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

⁴Казахский национальный исследовательский технический университет

им. К.И. Сатпаева, г. Казахстан, г. Алматы,

e-mail: kainigulasia@mail.ru, pavlova.tatyana@bk.ru, Kunapiyaeva@inbox.ru, tank_nur@mail.ru

ПОЗНАНИЕ МИРА НАЧИНАЕТСЯ С ПОЗНАНИЯ САМОГО СЕБЯ

Статья посвящена рассмотрению факторов, способствовавших формированию языка того или иного этноса и национального характера. Автор отмечает, что язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою. Опираясь на этнолингвистические, лингводидактические, психолингвистические и лингвистические изыскания последних десятилетий, автор пытается показать, как сама оязыковленная и всегда культурно окрашенная картина мира воздействует на человека, формируя его языковое сознание, а вместе с ним и культурно-национальное самосознание.

В статье подчеркивается значимость языка и культуры как важных компонентов не только отдельной языковой личности, но и этноса в целом, где личность и этнос не противопоставляются, а коррелируют, взаимодополняя друг друга. При этом, по мнению автора, знания, которыми владеет общность людей, определяет содержание ее менталитета. Отмечается, что в процессе изучения языков формируется представление об инофонной картине мира, приобретает способность гармонично общаться как в собственном обществе, так и в других социумах, предупреждать и преодолевать конфликты, обусловленные историческими, политическими и религиозными различиями культур, то есть создается эффективная основа для установления толерантного мира. В работе приводятся аналогии и сравнения языковых картин мира различных народов. Указывается, что взаимное узнавание их приводит к более глубокому узнаванию себя.

Ключевые слова: языковая личность, картина мира, познание мира, этнос, культурно-национальное самосознание, национальный характер.

R.R. Barkibayeva¹, T.V. Pavlova², K.S. Kunapiyeva³, N. Sh. Tankiyeva⁴

^{1, 2, 3} Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

⁴ Satpayev Kazakh National Research Technical University, Kazakhstan, Almaty,

e-mail: kainigulasia@mail.ru, pavlova.tatyana@bk.ru, Kunapiyaeva@inbox.ru, tank_nur@mail.ru

The cognition of the world begins with the cognition of oneself

The article is devoted to the factors that contributed to the formation of the language of a particular ethnic group and national character. The author notes that the language initially gives its speakers a certain picture of the world, and each given language – its own. Based on ethnolinguistic, linguodidactic, psycholinguistic and linguistic researches of the last decades, the author tries to show how the linguistic and always culturally colored picture of the world influences the person, forming his linguistic consciousness, nevertheless, cultural and national consciousness.

The article emphasizes the importance of language and culture as important components not only of the individual linguistic personality, but also of the ethnos as a whole, where personality and ethnos are not opposed, but correlated, complementing each other. At the same time, according to the author, the knowledge possessed by the community of people determines the content of its mentality. It is noted that in the process of learning languages, an idea is formed about the foreign picture of the world, the ability to communicate harmoniously both in one's own society and in other societies, to prevent and overcome conflicts caused by historical, political and religious differences of cultures, that is, creates an effective basis for establishing tolerant world. The paper presents analogies and comparisons of linguistic pictures of the world of various peoples. It is indicated that mutual recognition of them leads to a deeper recognition of oneself.

Key words: linguistic personality, world view, world cognition, ethnos, cultural and national consciousness, national character.

Р.Р. Баркибаева¹, Т.В. Павлова², К.С. Кунапияева³, Н.Ш. Танкиева⁴,

^{1, 2, 3} Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

⁴К. Сәтбаев атындағы Қазақ ұлттық зерттеу техникалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: kainigulasia@mail.ru, pavlova.tatyana@bk.ru, Kunapiyeva@inbox.ru, tank_nur@mail.ru

Дүниетану өзін-өзі танудан басталады

Мақала белгілі бір этностың тілін және ұлттық сипатын қалыптастыруға ықпал ететін факторларына қарауға арналған. Автор тіл бастапқыда өз тасымалдаушыларына әлемнің белгілі бір бейнесін және де әрбір осы тіл – өз бейнесін көрсетеді. Соңғы онжылдықтардың этнолингвистикалық, лингводидактикалық, психоллингвистикалық және лингвистикалық ізденістеріне сүйене отырып, автор тілмен байланысқан әрдайым мәдени түрінде боялған ғалам бейнесі адамға қалай әсер етіп және оның тілдік пен мәдени-ұлттық сана-сезімін қалыптастыра отыратынын көрсетуге тырысады.

Мақалада тіл мен мәдениеттің жеке тілдік тұлғаның маңызды компоненті ретінде ғана емес, сонымен қатар жеке тұлға мен этнос қарама-қарсы, бір-бірін өзара толықтыратын, тілдесетін жалпы этнос ретінде маңыздылығы атап көрсетіледі. Сонымен қатар, автордың пікірінше, білім адамдардың менталитетінің мазмұнын анықтайды. Тілдерді оқыту барысында әлемнің сыртқы бейнесі туралы түсінік қалыптасады, өз қоғамында да, басқа қоғамдарда да үйлесімді қарым-қатынас жасай білу, мәдениеттердің тарихи, саяси және діни айырмашылықтарынан туындаған қақтығыстардың алдын алу және жеңу мүмкіндігі, яғни қалыптасу үшін тиімді негіз жасалады. Жұмыста әртүрлі халықтар әлемінің тілдік суреттерінің ұқсастықтары мен салыстырулары келтірілген. Оларды өзара тану және өзін терең тануға әкелетіні көрсетілген.

Түйін сөздер: тілдік тұлға, ғалам бейнесі, дүниетану, этнос, мәдениет-ұлттық өзін-өзі тану, ұлттық сипат.

Введение

«Странно... В Ленинграде, далеко от родных мест, я вдруг почувствовал красоту языка моего маленького народа. О, город каменный, ты научил нас видеть и слышать то, чего мы раньше не замечали. Ты научил нас прислушиваться к себе, и мы чаще стали спрашивать: «Кто мы?» – говорит лирический герой повести Ю. Шесталова «Синий ветер каслания» (Shestalov, 1997: 423). Да, действительно, кто мы? Какие факторы способствовали нашему становлению? Как соотносятся язык того или иного этноса и национальный характер? Эти вопросы в разное время, в различных ситуациях возникали перед той или иной личностью. Как ответить на них?

Познание мира начинается с познания самого себя. Познание при этом представляет собой мыслительную деятельность, информацию, добытую в гносеологической деятельности, путем выделения в мире денотата и определения его признаков. Язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою.

Необходимость новых подходов определяют этнолингвистические, лингводидактические, психоллингвистические, лингвистические изыскания последних десятилетий. Следует, однако, заметить, что лингвисты отмечают необходимость с осторожностью подходить к попыткам

прямо связывать языковые формы с самосознанием, с мышлением говорящего на нем народа (Gak, 2000)

Между тем разворот лингвистики к исследованию коммуникативно-дискурсивных языковых процессов способствовал ее обращению к человеческому, или субъективному фактору в языке – к выявлению того, как используется язык субъектом речи в зависимости от его коммуникативной компетенции, от фактора адресата, от фона общих для них знаний о мире и т.п. А это повлекло за собой и следующий шаг – исследование языкового фактора в человеке – того, как сама оязыковленная и всегда культурно окрашенная картина мира воздействует на человека, формируя его языковое сознание, а вместе с ним и культурно-национальное самосознание.

Эксперимент

Оценивая состояние исследований в области общей теории языка, казахстанские ученые: А. Кайдаров, М.М. Копыленко, А.Е. Карлинский, К.Ш. Хусаинов, Б.Х. Хасанов, С.Е. Исабеков, М.К. Исаев, Н.И. Гайнуллина, Р.Г. Загидуллин, Э.Д. Сулейменова, Л.В. Екшембева и др. неоднократно подчеркивали, что интерес к методологическим аспектам симптоматичен: пришло ясное осознание того, что, во-первых, язык не может быть достаточно полно изучен, если

рассматривать его изолированно, вне условий существования, во-вторых, адекватная теория не может быть построена без привлечения достижений различных ветвей языкознания. Интерес к содержательным, информационно-когнитивным и прагматико-коммуникативным аспектам языка является отличительной особенностью современной казахстанской теоретической лингвистики.

Российские ученые считают, что роль человеческого фактора в языке изучается на основе совокупности текстов, продуцируемых языковой личностью (Ю.Н. Караулов), существующих в сознании культурных концептов (Ю.С. Степанов), путем логического анализа языка (Н.Д. Арутюнова), выявления роли индивидуального знания (А.А. Залевская), анализа эмоционально-экспрессивных средств языка (В.Н. Телия). По мнению В.Н. Телия, «...концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в естественном языке. То, что культура «включена» в язык – факт неоспоримый, поскольку язык как средство коммуникации вбирает в значения все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение. Язык обладает способностью накапливать и хранить в содержании единиц лексикона сведения о предшествующих (т.е. уже накопленных) знаниях об обозначаемом» (Teliya, 1996: 234).

Знания и представления о мире, типичные для носителей языка в обыденном сознании складываются в национальную языковую картину мира. При этом человек как языковая личность не только выступает связующим звеном между языком и культурой, но и фокусирует в себе эти взаимосвязанные феномены. Индивид овладевает своей национальной культурой через посредство родного языка. Язык и культура, таким образом, являются важными компонентами не только отдельной языковой личности, но и этноса в целом, где личность и этнос не противопоставляются, а коррелируют, взаимодополняя друг друга. Знания, которыми владеет общность людей, определяет содержание ее менталитета.

Языковая картина мира является результатом отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, включающего познание этого мира.

Результаты и обсуждение

Употребление значений, интерпретация понятий осуществляется в соответствии с услови-

ями социализации личности. Способ представления знаний согласуется с социокультурным опытом человека – носителя знания (Demuankov, 1994: 25), что, на наш взгляд, особенно важно при изучении русского языка в условиях современного Казахстана. Через изучение языка как отражения социокультурной реальности, как феномена культуры – национальной и общечеловеческой, формируется представление об инофонной картине мира, приобретает способность гармонично общаться в нашем собственном обществе и других социумах, предупреждать и преодолевать конфликты, обусловленные историческими, политическими и религиозными различиями культур. Таким образом, через язык создается эффективная основа для установления толерантного мира.

В силу только что сказанного язык (как языковая компетенция) не сводим к ряду или к системе чисто формально лингвистических правил и категорий, а есть часть социальной памяти, совокупность значений (не языковых), составляющих основу деятельности (не только речевой), но и познавательной (Leontyev, 1996: 41–47).

Человеческая когниция основана на взаимодействии систем восприятия, репрезентирования и продуцирования информации. Изучение этого взаимодействия и его технологического представления входит центральным звеном в область интересов когнитивной науки, в котором человек рассматривается как система переработки информации, а его поведение описывается и объясняется в терминах внутренних состояний (получение, переработка, хранение, мобилизация информации для решения какой-либо задачи) и, думается, должно учитываться при обучении русскому языку в современных условиях. Таким образом, язык – основная форма хранения знаний о культуре народа и средство его познания. Язык и отдельные его единицы обладают способностью отражать, фиксировать, и сохранять определенную культурную и историческую информацию. Именно благодаря этой кумулятивной функции язык может быть эффективным средством приобщения учащихся к материальной и духовной культуре народа, к его обычаям и традициям (Kostomarov, Vereshchagin, 1990).

Представляется, что такая задача должна стоять перед каждым учителем, преподающим языковые дисциплины. Формирование новой, этнокультуроведческой концепции обучения языкам, в том числе русскому, вносит существенные коррективы в профессиональную подготовку студентов-филологов. Задача формиро-

вания языковой личности учителя-словесника не может ограничиться языковой и лингвистической компетенцией (практическое владение языком и основами науки о языке – лингвистики). Наряду с компетенцией коммуникативной (решение коммуникативных задач с помощью языка, культура общения, речевая культура) не вызывает сомнения необходимость формирования этнокультуроведческой компетенции (осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, национальной специфики языковой картины мира, национально-культурного компонента значения языковых единиц). Необходимость такого подхода определяют этнолингвистические, лингводидактические, психолингвистические, лингвистические изыскания последних лет.

При этом следует помнить, что внешний мир и сознание – вот два фактора, которые порождают языковую картину мира любого национального языка. Так, факторами, определяющими период языкового становления этноса, служили различные природно-климатические условия ареала обитания того или иного народа, например, для казахов – это горы и бескрайние степи, для русских – широта лесов и полей, для англичан – «Туманный Альбион» (белые известняковые скалы).

Подвергаться лексикализации при этом могло, естественно, только то, что присутствовало в этой непосредственно воспринимаемой среде обитания, весь же остальной мир, единый и многообразный, был недоступен непосредственному чувственному восприятию, следовательно, не подвергался лексикализации и не включался в выстраиваемую этим этносом модель мира. Именно слово являлось хранителем и носителем национально-культурной семантики. Так, действительность, в том числе и среда обитания (географическая среда) и разнообразные стороны хозяйственной и этнокультурной деятельности человеческого общества явились решающими факторами в формировании лексической системы.

Разные языковые коллективы, закрепляя различный общественный опыт, из всего многообразия признаков, присущих какому-либо объекту в реальной действительности, отбирают для названия, характеристики, толкования этого объекта лишь некоторые признаки, зачастую существенные для них (языковых коллективов). К примеру, степная географическая зона, сухой климат – характерные природные условия для казахского народа. Кочевой образ жизни, ското-

водческая хозяйственная деятельность, вынуждали искать новые места для стоянки целых аулов по всей степи. Эти места должны были быть пригодными для жизни, пастбищными, незасушливыми. Отсюда и обязательное указание в толковании, к примеру, в казахском слове «дала» (степь) на «пригодное / непригодное для жизни» – «елсіз / сусыз» (букв.: без людей / без воды). «Пригодное / непригодное для пастбищ» – «шөл / шабындық» (букв.: безводные / сенокосные угодья) и т.п. В значении же русского слова «степь» содержится указание на особенности ландшафта – «глинистое», «болотистое», «безлесное», то есть покрытость пространства травянистой растительностью, кустарниками или деревьями.

«Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия», – совершенно справедливо замечает Гумбольдт ф. В. (Gumboldt, 1985: 349)

В разных языках для характеристики человека могут употребляться разные слова. Выше отмечалось, что казахи, как и многие народы Центральной Азии, были близки к земле, к животноводству, для которого скот являлся и пищей, и одеждой. Не напрасно после обычных приветствий при встрече спрашивали о благополучии животных, а затем – домочадцев: «*Мал – жаның аман ба?*» (Здоровы ли скот и твои родные?) «Если младенца ласково называли *қозым, ботам, құлыным* (ягненок, верблюжонок, жеребеночек), то для взрослых людей находили по обстоятельству и такие сравнения, как *қойдан жуас* (смирнее овцы), *түлкідей құ* (хитер как лиса), *сүзеген бұқадай* (как бодливая корова), *түйеден түскендей* (как свалившийся с верблюда) и т.п. Трудно представить, что англичанин, характеризуя кого-либо будет называть животных, означенных выше. Составляющими его национальной картины мира будут другие животные, а также специфичные ассоциации их с характером человека, отраженные в культуре народа. Так, в английском языке слово *гусь* ассоциируется с богатством, глупостью, а в русском языке вызывает представление о важности или жуликоватости: ср: английские *as a goose, the goose that lays the golden eggs* и русские *важный гусь, экий гусь, гусь лапчатый*. Во французском же языке слово *aigle* обозначает великого человека: так можно называть поэта или полководца; русское *орел* прилагается к храброму, удалому человеку.

Слово *merle* (дрозд) образует сочетание *fin merle* – пройдоха, *bean merle* – неприятный человек; слово *rhinoceros* (носорог) – глупого человека.

«Единица языка, вызывающая на психико-вербальном уровне в сознании представителя определенной национально-культурной общности некоторый минимум сходных ассоциативных реакций по ряду семантических признаков оценочного характера, может быть квалифицирована в качестве стереотипа» – считает В.А. Рыжков (Ryzhkov, 1983: 18) Стереотип речевого общения реализуется в форме речевого клише. К этим единицам относятся все виды устойчивых словосочетаний и фраз – фразеологизмы, пословицы, поговорки, идиомы, литературные цитаты. Ярким образцом, отражающим стереотипы мышления того или иного народа, является фольклор.

К примеру, русские народные сказки. Они с раннего детства внушают нам простую мысль, которая потом оборачивается «загадочными» реакциями. Допустим, следующая мысль: быть богатым – плохо, а быть бедным – хорошо, потому что в русских сказках все богатые плохие, а все бедные хорошие. Отсюда пренебрежительное отношение к любым материальным благам как типичная характеристика русского сознания, русской культуры, совершенно непонятная и загадочная для англоязычных культур.

По мнению Ильина, корни подобного отношения к богатству следует искать в инстинктивном осознании общего богатства: «Богат вовсе не индивид – Иван или Петр; богаты мы, народ в целом. Богат пространством и землей, лесом и степью, цветами и пчелами, дичью и пушниной, реками и рыбой; богат земными недрами. Тогда русский говорит: «у нас течет молоко и мед», «хватит на всех и еще останется» – это древние изречения народной мудрости» (Ilyin, 1996: 186).

Именно этим «подсознательно ощущаемым богатством» объясняет Ильин «в русской душе необоснованную беззаботность, легкомысленную и иллюзорную уверенность, выраженную словами, которые едва ли знает какой-либо другой народ: *авось*, *небось* и *как-нибудь*. Ильин считает, что «это подсознательное чувство народного благополучия, возможно, и побуждает богатых русских проматывать свое состояние, которое часто или слишком большое, или слишком легко доставшееся, или вовсе неистоцимо» (Ilyin, 1996: С.187).

Русский язык с древности изобилует поучениями и пословицами, выражающими отношение к богатству, демонстрирующими его (бо-

гатства) преходящий характер, его бессилие, его вредное влияние на человека.

Например:

Когда провидишь богатство и славу, вспомни, что тленно все, и тем избежишь крючка жизни сей;

Оплачь же, грешница, в богатстве живущего, ибо судный меч на него готовится;

Господине мой! Не лишай же хлеба мудрого нищего, не возноси до небес глупого богатого. Ибо нищий мудр, как золото в грязном сосуде, а богатый красив, да глуп – словно шелковая подушка, соломой;

Лучше капля ума, чем вдоволь богатства;

Из богатств выше золота – книги

Богат ждет пакости, а убог радости;

Богат мыслит о злате, а убог о благе (блато – грязь);

Глупому сыну не в помощь богатство;

Не с богатством жить, с человеком;

Не от скудости (убожества) скудость вышла, от богатства;

Мужик богатый, что бык рогатый (зазнается);

Богатый мужик бережет рожу (в драке), а бедный одежу;

На что мне богатого, подай торватого;

Богатому не спится: богатый вора боится;

Богатому черти деньги куют;

У русского народа нечестность ассоциируется с богатством, а не с бедностью: предполагается, что честным путем богатства не наживешь, ср. у Даля:

От трудов праведных не наживешь палат каменных;

Не с богатством жить, с человеком;

Богатому черти деньги куют, поэтому по-русски «но честный» могло бы быть только в контексте «богатый, но честный».

Бедный же в русском языке противопоставляется гордому, мы говорим бедный, но гордый, имея в виду, что бедным гордиться нечем, они, как правило, люди не гордые, но этот, в виде исключения, выпадает из общего правила, потому что он бедный, но гордый.

В повседневной жизни принято считать, что каждая нация имеет свой характер, и что определенные черты характера закреплены за той или иной нацией. Очень хорошо сказано об этом в труде Тер-Минасовой «Межкультурная коммуникация»: «Эмоциональное переживание мира», эмоциональное отношение, стимулированное образом, отсылающим к некоторому представлению, сформированному в культуре и вызывающему ассоциации, которые и служат «мотивом для оценочного компонента». В результате чего создается стереотипное представление как часть культурно-исторического наследия, создаваемо-

го в процессе практического освоения мира, и оно принадлежит к области культурного знания, вооружающего носителя языка системой ценностных ориентиров.

Так, она пишет, что наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые международные анекдоты. Это анекдоты, построенные на шаблонном сюжете, где представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота (Ter-Minasova, 2000: 138).

Так, в русских международных анекдотах англичане обычно подчеркнута пунктуальны, немногословны, прагматичны, сдержанны, любят сигары, виски, конный спорт и т. п. Немцы практичны, дисциплинированы, организованы, помешаны на порядке и потому ограничены. Французы – легкомысленные гуляки, эпикурейцы, думающие только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях. Американцы богатые, щедрые, самоуверенные, прагматичные, знамениты хорошими дорогими машинами. Русские – бесшабашные рубахи-парни, неприхотливые, алкоголики, драчуны, открытые, неотесанные, любят водку и драки. В русских международных анекдотах все они ведут себя соответственно этим стереотипам.

Вот простейший анекдот такого рода: как ведут себя люди разных национальностей, если они обнаружат муху в кружке пива. Немец (практичный) выбрасывает муху и пьет пиво. Француз (сентиментальный) вытаскивает муху, дует на нее, расправляет ей крылышки – и не пьет пиво. Русский (неприхотливый и любящий выпить) выпивает пиво, не заметив мухи. Американец (уверенный в своих правах) зовет официанта, устраивает скандал и требует другую кружку. Китаец (китайская кухня включает самые неожиданные блюда) вынимает муху, пьет пиво и закусывает мухой. Еврей (меркантильный) пьет пиво, а муху продает китайцу.

Еще пример. Комиссия ООН решила проверить разные народы на выживаемость и в порядке эксперимента поместила на отдельные необитаемые острова представителей разных национальностей – двух мужчин и одну женщину. Через десять лет комиссия отправилась инспектировать острова. На английском острове два джентльмена играли в теннис. «У нас все прекрасно, мы в хорошей спортивной форме, проблем нет, – заявили они. – А дама? Мы ни-

чего о ней не знаем, нас никто не представил». На французском острове веселая Мари сказала: «Это Пьер, это Жак, у нас все замечательно, мы все трое очень довольны». На испанском острове Мария рассказала комиссии, что на второй день эксперимента Хосе убил Хуана, и с тех пор они живут очень счастливо. Русских на острове было два: дореволюционный и послереволюционный. На дореволюционном русском острове печальная Ольга сообщила, что она любила одного, вышла замуж за другого, и все трое глубоко несчастны. На послереволюционном русском острове два крепких мужика играли в избе в карты, когда прибыла комиссия. «У нас всё в полном порядке, – сказал один из них. – Мы организовали колхоз: я – председатель, он – парторг». – «А где же ваша дама?» – поинтересовались члены комиссии. – «Народ? Народ в поле», – был ответ. (Заметим в скобках, что это выражение – народ в поле – вошло в разговорный язык как поговорка.)

Следующий анекдот тоже из большого числа такого же рода анекдотов. Ученые решили провести эксперимент: какая нация лучше переносит холод? В морозильную камеру представители разных национальностей могли взять с собой что пожелают, и, когда терпеть будет невозможно, они должны постучать в двери камеры, чтобы ее открыли. Француз сказал: «Дайте мне много вина и хороших женщин» и пошел в морозильную камеру. Через полчаса раздался слабый стук, и дрожащий от холода француз вышел из камеры. Англичанин решил взять с собой сигару, бутылку виски и одну женщину, хорошо владеющую собой. Через час раздался стук, и из камеры вытащили полузамерзшего англичанина. Русский пожелал сапожника, ведро водки, два соленых огурца и отправился в морозилку. Через три часа встревоженные ученые открыли дверь, опасаясь несчастного случая. Из камеры показался кулак, обрушившийся на экспериментатора, и послышались слова: «Вот сви-ньи! И так холодно, а они еще дверь открывают», и дверь захлопнулась.

Подобные шутки можно продолжать долго, но основное ясно – стереотипы национальных характеров в них вполне очевидны.

Слова «стереотип», «стереотипный» имеют негативную окраску, так как определяются через слово «шаблонный», в свою очередь определяемое как «избитый, лишенный оригинальности и выразительности». «Это не вполне справедливо по отношению к слову стереотип вообще, а в контексте проблем межкультурной коммуникации – в особенности», – замечает Тер-Минасова.

И далее продолжает: «При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок» (Ter-Minasova, 2000: 138).

Выводы

Итак, трудно не согласиться с данной точкой зрения, так как стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, и выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира.

При этом изучение национального характера, менталитета позволяет проводить аналогии и сравнения одних народов с другими не в плане предпочтения одного другому, а в плане уточнения уникальности и неповторимости каждого народа. Если В.Г. Белинский еще говорил, тайна национального не в кухне, не в одежде, а в манере понимания вещи, то М.М. Бахтин убеждает: «тайна» национального и в кухне, и в одежде, и в танце, и в национальном Бахусе, и в национальном Эросе; весь «материально-телесный низ» и весь национальный космос пронизаны полуденным светом единой национальной «манеры понимать вещи» (Bakhtin, 1990: 35).

На материале различных культур изучает «национальные картины мира» и Г.Д. Гачев. Мировая культура видится ему как оркестр, в которой каждой художественной культуре отведены свой инструмент и своя партия. В изучении национальной картины он исходит из того, что человек, подчиняя окружающий мир, одновременно сам ассимилируется в нем. Среда, которую он преобразует, изменяет его самого. Житель гор, лесов, степей, приморья похож на горы, леса, степи, побережья морей. Это видно в танце, слышно в музыке, в песнях, в звучании речи, в выборе и приготовлении пищи, в возведении различных типов жилья, в типе хозяйствования. Человек проецирует сложившиеся из ближайших наблюдений представления на большое пространство и большое время. Рождается картина мира, модель мира. Но для познающего сознания недостаточно изучать одну лишь модель мира, «за пределами остается ее пограничная полоса и нет обозримого целого», – считает Г.Д. Гачев (Gachev, 1998). Поэтому он берет несколько отличных друг от друга картин. Сравнивает их, рассчитывая из этого сопряжения высечь «искры взаимоудивления», взаимного узнавания, ведущего к более глубокому узнаванию себя». Познание мира начинается с познания самого себя.

Литература

- Шесталов Ю. Собрание сочинений. – СПб., Ханты-Мансийск, 1997. Т. 1. – 478 с.
- Гак В.Г. Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000. – 312 с.
- Телия В.Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 208 с.
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. – С. 17–33.
- Леонтьев А. А. Язык не должен быть чужим // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. – М., 1996. – С. 41–47
- Костомаров В.Г. Верещагин Е.М. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
- Гумбольдт, Ф. В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
- Рыжков В. А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 22 с.
- Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры. – М.: Рус. кн. XXI в., 2007. – 462 с.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 314 с.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. лит-ра. 1990. – 543 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Academia, 1998. – 432 с.

References

- Bakhtin M.M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekoviya i Rennsansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. М.: Khud. lit-ra, 543 p. (In Russian)
- Demyankov V.Z. (1994). *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost interpretiruyushchego podkhoda* [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy yazykoznaneya*, № 4. P.17–33 (In Russian)
- Gachev G.D. (1998). *Natsionalnyye obrazy mira* [National images of the world]. М.: Academia, 432 p. (In Russian)

- Gak V.G. (2000). Yazyk kak sredstvo translyatsii kultury [Language as a means of transmitting culture]. M., 312 p. (In Russian)
- Gumboldt, f. V. (1985). Yazyk i filosofiya kultury [Language and philosophy of culture]. M.: Progress, 452 p. (In Russian)
- Ilyin I. (2007). Sushchnost i svoeobraziye russkoy kultury [The essence and originality of Russian culture]. M.: Rus. kn. XXI v., 462 p. (In Russian)
- Kostomarov V.G., Vereshchagin Ye.M. (1990). Yazyk i kultura [Language and culture] M.: Russkiy yazyk, 246 p. (In Russian)
- Leontyev A. A. (1996). Yazyk ne dolzhen byt chuzhim [Language should not be alien]. Etnopsikhologicheskiye aspekty prepodavaniya inostrannykh yazykov. M., P. 41–47. (In Russian)
- Ryzhkov V. A. (1983). Natsional'no-kul'turnyye aspekty assotsiativnogo znacheniya internatsionalnykh stereotipov [National-cultural aspects of the associative significance of international stereotypes]. avtoref. dis. ... kand. filol. nauk., M., 22 p. (In Russian)
- Shestalov Yu. (1997). Sobraniye sochineniy [Collected Works]. SPb., Khanty-Mansiysk, T. 1, 478 p. (In Russian)
- Teliya V.N. (1996). Kulturnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kultury v yazykovoy znak [Cultural connotation as a way of translating culture into a linguistic sign]. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty. M., 208 p. (In Russian)
- Ter-Minasova S.G. (2000). Yazik i mezhkulturnaya kommunikatsiya. [Language and Intercultural Communication]. M.: Slovo, 314 p. (In Russian)